

Александр Дёмышев

ВИТЬКИНЫ НЕБЕСА

Жить ради Победы

16+

Александр Дёмьшев

**Витькины небеса.
Жить ради Победы**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Дёмышев А. В.

Витькины небеса. Жить ради Победы / А. В. Дёмышев —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

Витька – обычный мальчишка, которому ещё рано воевать. Его батя – на передовой – бьёт фашистов, а Витькина линия фронта пролегла в Кирове, в холодных цехах эвакуированного завода. Выживание в тылу – каторжная работа круглые сутки; голодные обмороки у станка; трупы рабочих, складированные штабелями. Возможно ли в этих условиях остаться человеком, сохранить надежду, любить и верить в Победу? Книга, рассчитанная на современную молодёжную аудиторию, несомненно, заинтересует и людей старшего поколения, всех кому дорога историческая правда, какой бы страшной она ни была.

Александр Дёмышев

Витькины небеса. Жить ради Победы

1. ПЯТЬ МИНУТ ДО ПОБЕДЫ (ПРОЛОГ)

Долгий протяжный звук мешает пятнадцатилетнему Витьке спать. Так хочется остаться в сладком забытии... И тут до него доходит: это же заводской гудок!

В ужасе откидывает Витька тёплое лоскутное одеяло, вскакивает с постели, разложенной на полу, начинает судорожно накидывать одежонку на худое тело. Мелькают тревожные мысли: «Бабушка не разбудила. Как она там, жива ли?» Но тут же слышатся хрипловатые причитания из-за печки:

– Витюша, прости, проспала я, расхворалась совсем. Боже, помоги...

Но Витьке некогда объяснять старушке, что «Бога нет»: он уже вылетает из дому и мчится к проходной.

И почему же на нашем 32-м заводе гудок такой слабый? В избе – почти не слышно! Вот на КУТШО гудок что надо, мёртвого разбудит! А мамка, как назло, в эту неделю в ночную смену работает, уж она ни в жизнь не проспала бы! А так пока отработает, да с Шинного пешком до Филейки доберётся – так ещё часа два пройдёт.

Он бежит что есть мочи, стараясь огибать дорожную грязь, прыгает через лужи. Спотыкается о кочку и чуть не плачет от боли, ударившись ногой, на которую вчера упала тяжёлая заготовка детали для авиационной лебёдки.

«Сегодня самый неудачный день!» – думает Витька. Третий год он на заводе – и ни разу не опоздал. Идёт война, и, как все трудоспособные кировчане, он «пашет» по двенадцать часов без выходных. Не раз бывало, что по нескольку дней не выходил из цеха, когда сменщик болел. Просто ложился у станка поспать часика три – и дальше работал. И план всегда давал – а тут!

Бегут драгоценные минутки, а в памяти мелькают обрывки грозных статей из многотиражки «Заводский большевик» с суровыми приговорами врагам народа.

Конечно, за небольшое опоздание судить не станут, но выговор объявят точно. Да зарплату урежут на полгода процентов на двадцать. А в семье ещё два брата да две сестры, и все младшие, не работают ещё, да бабушка больная. На батю ещё в сорок втором похоронку получили. Вот и выходит, что они с мамой вдвоём семью тянут; каждая копейка дорога.

Всё большее ступать, да и «дыхалка» кончилась. Витька ковыляет быстренько мимо стройбатовской столовки и барака военно-учебного пункта. Глаза слезятся от обиды.

«А вдруг есть Он, Бог-то?» – проносится в Витькиной голове. И тут же, словно боясь передумать, он шепчет: «Боже, помоги!». И снова пытается бежать.

Цель близка. У маленькой деревянной проходной многолюдно, не протолкнуться. Все стоят, слушают оратора. До запыхавшегося Витьки, наконец, начинают доходить обрывки фраз: «благодаря героическим усилиям нашего народа...», «фашистская Германия полностью разгромлена...», «подписан акт о безоговорочной капитуляции...»

Витька всё ещё как в тумане, нога болит, сердце колотится. Он слышит слова, но не совсем понимает смысл. Мысли по-прежнему крутятся: «Быстрее в цех, к станку!» Как вдруг где-то на краю сознания проносится: «Победа!» И тут до него по-настоящему доходит: «Войне конец, мы победили! Победа!!!»

Он слушает ораторов, видит улыбающиеся возбуждённые лица, хлопает в ладоши, кричит со всеми громко: «Ура!!!». А в голове радостно пульсирует: «Победа! Победа!! Победа!!!»

По такому случаю объявляют выходной. Люди начинают расходиться. Где-то уже играет гармошка. А Витька всё стоит и смотрит в небо. Порхают неизвестно откуда взявшиеся в начале мая снежинки; наверное, из-за них глаза опять чуть мокрые.

Как хорошо, кажется, впервые за эти годы, никуда не спешить. Просто стоять и смотреть в небо...

2. ЗА КРУТЫМ ПОВОРОТОМ

Погожий летний вечер. Редкие барашки-облака мирно пасутся на синем поле небо-склона. А небесный пастух Солнце, кажется, совсем позабыл о них.

Несёт вдаль тёмные воды река Вятка, делая на извилистом пути один поворот за другим. Разные они; в основном – плавные, но изредка случается и крутой. Течёт себе река мимо старинного города, который когда-то носил её имя, течёт к Филейке – северной окраине Кирова. Вот и жизнь людская иногда похожа своими поворотами на течение реки. Никто не знает, что ждёт его за очередным поворотом...

Трое ребят отправляются на рыбалку «с ночевой». Ничто не предвещает беды.

Закатав повыше штанины, пацаны перебираются по отмели через неширокую Курью. Ещё чуток, и они выходят на пустынный берег Вятки напротив Симоновского острова. Тут-то и ожидает их загадочная находка. Огромный, из брёвен в два ряда, почерневший от времени плот. Половина его покоится на песчаном берегу. Рядом торчит воткнутый длинный шест.

– А поплыли на ту сторону рыбачить, там же лучше! – сходу кидает идею бесшабашный Кузя.

– Ага, а когда хозяин поймает, так уши надерёт! – останавливает порыв друга Мирон. Из них троих он самый старший, целых тринадцать годков!

Мнение малого одиннадцатилетнего Витьки остаётся неизвестным, так как его никто не спрашивает. Чуток поспорив, старшие ребята распутывают удочки и принимаются дёргать пещарей. Присоединяется к ним и Витёк.

Когда на берег опускаются короткие летние сумерки, ребята разводят костерок. Жарят ржаной хлеб, пекут в золе припасённую картошку. Хозяин чёрного плота так ещё и не объявился. Мирон с Кузей по очереди рассказывают разные страшилки, какие-то истории про Филейское кладбище. Витька слушает, раскрыв рот, храбрится.

Вскоре светает. Начинается утренний клёв. Ребятам удаётся добыть несколько крупных плотвичек. Но вот уже жаркий июньский день полностью вступает в свои права. Клёв слабеет. Ребята всё чаще поглядывают на таинственный плот: он так и манит мальчишек. Разве можно устоять?

Отважная троица решает плыть на противоположный берег, порыбачить там, а после вернуть плот на прежнее место. Но не тут-то было!

Неожиданно сильное течение подхватывает плот с ребятами, не дав им добраться даже до середины реки. Мирон во всю орудует шестом, но достать дно никак не может. Кузя тянется помочь, Мирон отталкивает его. Плот шатается, Витька поскальзывается и плюхается в воду.

– Живее! Он плавать не умеет! – орёт Кузя.

– Да сейчас, сейчас, – пыхтит Мирон, протягивая с краешка плота шест.

Наконец Витька цепляется за спасительную палку. Через пару минут общими усилиями он оказывается на неизвестно куда плывущем плоту. Вскоре мокрый стучащий зубами Витёк замечает бакенщика. Он стоит у своей облезлой будки на том берегу. Испуганные мальчишки кричат бакенщику: «Дяденька, помоги!» Но тот, махнув рукой, поворачивается и уходит прочь. Странно. Может, слишком далеко, и он их не расслышал?

***

За крутым поворотом реки взорам ребят открывается вид на Красный Яр. Высоченный берег нависает над Вяткой. Мирон рассказывал, что здесь его дед откопал череп какого-то древнего ящера, наподобие дракона, да выдумал, наверное.

Тут течение вдруг стихает. Плот с ребятами оказывается ближе к их берегу. Шест касается дна. Мирон и Кузя, прыгнув в воду, выталкивают плавсредство на отмель.

Так парни оказываются в паре вёрст ниже по реке от места рыбалки. Что делать? Обсохнув и придя в себя, горе-матросы отпускают «баркас» в свободное плавание по Вятке. А сами плетутся не спеша домой.

Путь не очень близкий. Сначала идут просёлком между селом Филейским и слободой Куртеевы. Странно, но по пути им никто не попадается. Дальше дорога уходит вправо, в слободу Зоновы, но ребята решают срезать путь и направляются напрямик через перелесок.

Холм, овраг. Наконец они выходят к каким-то развалинам.

– Тут монахи раньше жили, – Кузя тычет пальцем в двухэтажный корпус. – Их потом в тюрьму отправили, а кого-то и расстреляли. Там, на пригорке, храм большой стоял, его на кирпичи для психбольницы разобрали. А в низинке ключ, возле которого старец Стефан в пещере отшельничал. Бабушка говорила, он чудеса мог творить.

– Ха-ха-ха, бабушкиных сказок наслушался! – перебивает Мирон. – Враньё всё это.

Кузя, даром что младше, не стерпев обиды, пихает приятеля. Пацаны крепко схватываются. Вдруг вдали раздаётся какой-то непонятный протяжный звук, похожий на гудок паровоза. Становится страшновато. Ребята останавливаются в оцепенении. Каждый слышит торопливые удары своего сердца.

Тут в памяти Витьки неожиданно ясно всплывают малопонятные бабушкины слова: «Господь по грехам людским для вразумления попускает скорби: болезни, глады, войны. И нам за разорение храмов и за гонения на служителей Его – великое горе попустит». Становится совсем жутко. Кажется, в одном из окон промелькнула какая-то тень.

– Тикаем, – шепчет Витёк. И мальчишки припускают прочь что есть духу.

Вскоре, оказавшись около большой территории, отведённой под строительство нового завода, запыхавшиеся ребята переходят на шаг. По причине воскресного дня стройка пустует. Уже года два на этом месте рубят лес, тянут сюда коммуникации, но особого продвижения в строительстве пока не видать. Лишь кирпичные стены двух зданий возвышаются на пустыре, у них даже крыш ещё нет.

Пацанам ведомо, что здесь возводят военный завод. Ведь их отцы трудятся на стройке, а по её окончании собираются стать заводскими рабочими. Но вести разговоры обо всём этом как-то не принято.

Вечереет, но ещё по-прежнему жарко. Удивительно всё-таки, что за весь день им так и не повстречалась ни одна живая душа, разве что странный бакенщик с того берега Вятки.

Миновав стройку, ребята подходят к перекрестию дорог. Мирон и Кузя жмут на прощание Витькину руку и сворачивают направо – к себе в Пушкари. А Витька направляется к деревеньке Суханы, что в противоположной стороне, за овражком.

***

Душно. Чем ближе подходит Витька к деревне, тем тревожнее на душе. Что за непонятный звук слышится ему? Да это же плач! Не чей-то одинокий плач, а словно вся деревня плачет! Паренёк бежит по пустой улице. Горькие невыносимые рыдания раздаются из раскрытых окон каждого дома! Да что же за день такой сегодня?!

Вот их калитка, двери в сени настезь распахнуты. Витёк оказывается в комнатке с низким белёным потолком. Бабушка вся в слезах. Мама тихонечко воет. Плачут младшие братья и сестрёнки. Отец сидит, отвернувшись к окну.

– Папа, что случилось? Кто-то умер? – тихо спрашивает Витька.

– Война, сынок. Немец на нас напал, – отвечает батя. Наконец поворачивается, смотрит на сына. – Все мы: и я, и дядя Зиновий, и Михаил Поликарпыч, да все наши мужики завтра едем в город, в военный комиссариат. Так что остаёшься в доме за старшего, сын.

Отец тяжело вздыхает. Пробует улыбнуться. Предательская слезинка скатывается по его щеке. Крепким натруженным кулаком он стирает её. А заодно стирается с его лица и улыбка. Батя снова отворачивается от остолбеневшего Витьки к окну. И смотрит, смотрит...

Погожий летний вечер, такой же, как и вчера. Где-то далеко уже целый день идут кровопролитные бои, рвутся снаряды, гибнут люди, рушатся города. Уже держит оборону окружённая фашистами Брестская крепость... А у нас в глубинке – всё те же барашки-облака, да пастух Солнце. И только плач, возносящийся над русскими деревнями к небу, нарушает тишину. Да причитания: «Господи, за что же нам такое горе?»

Так в Витькиной жизни, как и в судьбе всей страны, случился крутой поворот. Так закончилось Витькино детство.

3. ВТОРОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Чёрно-белое войско Тевтонского ордена, построенное, как обычно, «свиньёй», быстро приближалось к новгородской дружине. Завывала устрашающая музыка. Коня, стуча копытами об лёд, пофыркивали под тяжестью облачённых в железные доспехи крестоносцев. На головах рыцарей – какие-то диковинные рогатые шлемы, похожие на перевёрнутые вёдра, с прорезями для глаз.

Русские ополченцы от мороза, а большие – от нетерпения переминались с ноги на ногу. Вглядываясь в надвигающуюся немецкую армаду, ждали княжеского приказа.

– Пора! – молвил князь Александр Невский и вытащил укороченный кавалерийский карабин Мосина образца 1891 года. – По моей команде дадим залп, и враг провалится под лёд: слишком тяжёлые у них панцири!

– Да куда там! – не выдержал находившийся неподалёку Витька. – В наших краях зима дюже морозная была. У нас на Подозерьи лёд очень крепкий!

Но никто из бородатых дружинников, облачённых в кольчуги и, как ни странно, в краснозвёздные будёновки, не обратил ни малейшего внимания на вопль мальчишки.

– Целься! – приказал князь, и тысячи винтовок с примкнутыми штыками оцетинились в сторону приближавшегося неприятеля. – Пли!

Раздался невероятный грохот от упавшей на пол чугунной сковороды. Витька быстро пришёл в себя после странного сна, навеянного фильмом про Ледовое побоище. Не успел ещё тёплый июньский ветерок, залетавший в избу через распахнутое окошко, окончательно разогнать сонное наваждение, как вспомнились вчерашние тревожные события. Во сне-то оно всегда всё проще.

Мамка звала завтракать. Умывшись над тазиком холодной водой, Витёк покусал прямо из чугунок варёной картошки с парным молоком и отправился искать своих друзей-сверстников. С десятков мальчишек и девочек школьного возраста торчали, как обычно, на пяточке у оврага. Были там и его приятели Мирон и Кузя. Вся компания, в связи с начавшейся вчера войной, пребывала в приподнятом патриотическом настроении.

Ребята рассуждали о том, сколько времени понадобится Красной армии, чтобы разгромить фашистов. Приходили к выводу, что недели за две, много за три наши победят. Спросили о том и у подошедшего Витьки.

– Я думаю, война продлится месяца два... – неуверенно начал Витёк.

– Да что ты, белены объелся?! Сказанул, курам на смех! – перебили его возмущённые и насмешливые голоса пионеров. – Разобьют немца дней за пятнадцать-двадцать. Эх, жаль, пока мы подрастём, уже всех врагов победят, нам повоевать не достанется!

Витька смутился и не находил, что ответить, но тут он увидел отца. Батя ехал, управляя лошадей, на телеге, гружёной какими-то ящиками. Витёк не растерялся, подбежав к повозке, на ходу запрыгнул на маленькое местечко, пустовавшее рядом с отцом.

– Пап, ты куда? Можно с тобой?

– В город еду, тару на склады повёз, – отец потрепал Витькину макушку. – Этой ночью нашим мужикам повестки на войну разносили. Всем, кроме нас, что на строительстве завода трудятся. А утром на работе митинг провели. Объявили, что бронь у нас какая-то; значит, без нас воевать будут. Мы, мол, тут нужнее. Завод наш 315-й для обороны очень важен, достраивать быстрее надо.

Батя с 40-го года, как семейство их перебралось на Филейку из Сунского района, работал на этом объекте. Трудился в гужевой бригаде на собственной лошади, перевозя грузы для строительства. Их семья вначале снимала комнату в доме в деревеньке Орловы, что подле стройки. Затем купили полдома в Суханах. А этим летом отец планировал с помощью таких же извозчиков из бригады ставить свой дом. Да только планы эти, похоже, откладывались.

***

Телега тряслась, поднимая клубы пыли, по грунтовой дороге, гордо именуемой Филейским шоссе. Полем, перелеском добрались до окраины Кирова. Проезжая мимо конечной автобусной остановки, что располагалась у КУТШО*, они увидели огромное скопление народа. В основном – мужчины. Витька разглядел в руках у многих из них какие-то бумажки. «Повестки на фронт!» – догадался он.

[*Примечание: КУТШО – Комбинат учебно-технического школьного оборудования. Был открыт в 1934 году. До войны – одно из крупнейших предприятий по выпуску учебных пособий не только в СССР, но и в Европе.]

Тут как раз подкатил неказистый серый автобус. Сразу стало понятно, что места всем не хватит. И тогда женщины и дети смиренно отошли в сторонку, пропуская вперёд мужчин. Переполненный автобус еле тронулся. Женщины и дети остались ждать следующего. Между тем к остановке уже спешили другие новобранцы.

Мороз пробежал по коже от непривычной картины: женщины, дети и старики уступают место в автобусе здоровым мужчинам. Мужчинам, спешащим на войну.

Телега, гружёная под завязку, продолжала путь. Грунтовка сменилась булыжной мостовой. Показались первые каменные дома в два-три этажа. Возле одного из них рабочие крепили на верхушке столба железный репродуктор.

– Радиоточку ставят, – сообщил отец, – чтобы военные сводки передавать.

– Вот здорово! – подивился Витёк. – Может теперь и до наших филейских деревень радио дотянут?

На городских улицах царил суета. Во всём этом движении ощущалось начало чего-то большого, важного. На стене дома висел свежий, намалёванный от руки плакат.

– Прочти! – велел отец. С буквами он как-то не очень дружил.

– Товарищи, – читал по слогам Витька, сдавший недавно экзамены за четвёртый класс, – сегодня, 23 июня 1941 года, в семь часов вечера на площади Революции состоится митинг против фашистской Германии.

– Понятно. А знаешь, чего? Сейчас груз свезём и в комиссариат поедем, добровольцем запишусь. Выдумали, тоже мне, бронь!

Витька светился от счастья. Мамка, конечно, не обрадуется. Зато скоро и его батя, разбив немцев, вернётся домой героем! А что если убьют или ранят? Да нет, не может такого быть. Пока отец до фронта доберётся, уж и воевать-то останется всего ничего. А какое уважение к героям будет, ух!

Так думал Витёк. О чём размышляет отец, он не догадывался. Солнце достигло почти зенита, когда подъехали они к той самой площади Революции. Картина, открывшаяся им, потрясла Витьку.

Множество народу. С одной стороны, очевидно, из военкомата, тянулись колонны мужчин в повседневной одежде, во главе каждой – командир РККА. На площади мобилизованные становились в длинные очереди. Вначале за военной формой, затем, переодевшись в новенькое обмундирование, за винтовками. Дальше новоиспечённых красноармейцев опять строили в громадные колонны.

Как раз, когда Витька с отцом проезжали мимо, одна такая колонна с песней «Широка страна моя родная...» двинулась в сторону вокзала. В другой колонне, построенной посреди площади и состоящей из нескольких сотен солдат, началась переключка. Масштабность происходящего поразила Витьку, ничего подобного он раньше не видал. «Вот сила! Вот мощь! – думал Витёк. – Правы ребята: раздавят наши фашистов за пару недель, как только до фронта доберутся!»

Величественное действо это происходило на фоне огромных каменных груд. Развалины те были не чем иным, как руинами храма Александра Невского, взорванного ещё в 1937 году. Витьке вспомнился необыкновенно красивый храм. Огромный купол виднелся за много вёрст от города. Поговаривали, что храм – второй по величине во всей России. Обломков от него осталось так много, что уже четыре года прошло, а их всё никак не могли полностью вывезти с площади.

Вспомнились мальчишке и сегодняшней сон, и фильм «Александр Невский», виденный наемни в клубе, второе кино в его жизни, после «Чапаева». От этих фильмов Витёк, как и все ребята, был в полнейшем восторге.

– Пап, а почему храм Александра Невского взорвали? Он ведь хорошим правителем был, немцев семь веков назад разгромил? – по-детски наивно спросил Витька.

– Дураки потому что, – рубанул отец.

Такой неожиданный ответ сильно напугал паренька. С младых ногтей жила в нём вера в непогрешимость властвующей партии большевиков. Витёк, как и все, кого он знал, искренне любил вождя и уважал руководителей страны. А тут такие слова! Дальше ехали молча. Витька корил себя за не вовремя заданный вопрос. Гадал, почему отец так неправильно ответил. Но продолжить этот разговор не решился.

***

Разгрузившись быстренько, тронулись в обратный путь. У военного комиссариата отец оставил Витьку сторожить лошадь с пустой телегой, а сам ушёл внутрь. Но не прошло и пяти минут, как вылетел он оттуда – раздосадованный, красный. Вслед за ним, ругаясь хуже сапожника, выскочил начальник военно-учётного стола 315-го завода. Как оказалось, он с утра тут дежурил, дабы пресечь многочисленные обращения заводских работников, желавших записаться добровольцами вопреки выданной им брони.

Минут двадцать ехали в тишине. Наконец отец не выдержал.

– Ну скажи, какая от меня здесь польза? На телеге грузы возить? Так с этим делом и дедок какой-нибудь справится! А я на фронт всё одно уйду. Немцы отца моего, твоего деда, в 1916-м на империалистической* убили. Я, правда, его почти и не помню, мал был. Но мама моя, твоя бабушка, до сих пор иногда плачет. Да и не столько в этом дело: нужен я там, все мужики воевать пойдут, ну и я. Ничего, месяцок-другой пройдёт, а там и меня в армию с завода отпустят!

[*Примечание: Империалистическая война – так до начала Второй мировой войны в СССР называли Первую мировую.]

– Так к этому времени и война-то уж кончится.

– Не кончится.

– Пап, скажи, а сколько война продлится? – тихонько спросил Витька.

– Год. Это самое малое. А может статься, и все два года, – ответил отец.

Батины слова потрясли, они никак не укладывались в Витькиной голове. Целый год! Даже два года! Да как же такое возможно?! Наверно, сегодня с отцом что-то неладно. Нервы. Ну ничего, пройдёт. Просто день сегодня такой, тяжёлый...

Поздно вечером Витька сидел на голубятне со своими старшими приятелями Мироном и Кузей. Голуби ворковали, словно ничего не случилось. С небольшой высоты открывался вид на территорию будущего завода. Вдали лежала взлётка филиейского аэродрома. Но взгляды ребят устремились в небо.

– Гляньте, что там творится! – Мирон показал на запад. Ребята впервые видели такой удивительный тёмно-красный закат. Кровавое зарево растянулось почти на полнеба.

– Это не просто так! Это наша армия немцам взбучку устроила! Там сейчас тысячи самолётов, тысячи танков и артиллерийских орудий стреляют! Вот зарево боёв даже досюда видно! – сказал Мирон.

– Точно! Ну всё, теперь пришёл конец фашистским гадам! – подтвердил Кузя.

– А мне сегодня батя знает, что сказал? – Витёк вздохнул, посмотрел на старших ребят, предчувствуя насмешки. – Сказал, мол война-то ещё целый год продлится.

Почему-то над Витькиными словами никто не посмеялся. Мальчишки смотрели на багряно-красный запад и долго-долго молчали. Медленно подходил к концу второй день войны, развязанной потомками тевтонских рыцарей. Такой невыносимо длинный день 23 июня 1941 года.

До окончания войны оставалось одна тысяча четыреста шестнадцать дней.

4. ПО ДОРОГАМ, ИСХОЖЕННЫМ ДЕДАМИ...

1 июля 1941 года, на десятый день войны, Витёк, как и все остальные ребята, услышал важную новость: Мирон, их старший приятель, не без гордости сообщил, что его отец уходит на фронт. Отца Мирона звали Михаил Поликарпыч, и был он настоящим героем! Без единой царапины прошёл он в сороковом Финскую войну.

Воевал отец Мирона не где-то, а на передовой. Имел поэтому две медали. Про него даже заметка была в «Кировской правде» – с фотографией! Все мальчишки восхищались Михаилом Поликарпычем. Заслушивались его рассказами о боях с белофиннами, песнями, которые распевал он в праздничные дни, подыгрывая себе на гармошке. Особенно душевно исполнял он свою любимую песню о той войне «Принимай нас, Суоми-красавица!».

Когда же Михаил Поликарпыч пускался в пляс, медали на его груди прыгали и задорно позвякивали, притягивая восторженные мальчишеские взгляды. Ребята завидовали Мирону: ну и удалой же у него батя!

У Михаила Поликарпыча, как и у Витькиного отца Александра Климентьевича, имелась на руках бронь от армии, так как оба работали на строительстве военного завода № 315. Были они закадычные друзья. И хоть на стройке виделись редко, потому-что отец Мирона работал землекопом, а Витькин батя возил на телеге материалы, но свободное время часто проводили вместе. И рыбу удили, и в баньке парились сообща, а когда нужда возникала, всегда помогали они друг другу.

– Как же твоего батю с завода на фронт отпустили? Ведь бронь же! Мой папка пробовал, ему отказали, – удивлялся Витёк.

– А мой одел свою гимнастёрку с медалями, взял с собой газету, и пошёл, хоть и беспартийный, а прямо к парторгу! – при этих словах Мирон развернул ту самую газету со статьёй «Подвиг на Карельском перешейке», где на фотографии красовался улыбающийся Михаил Поликарпыч, герой войны с белофиннами. – Вот, по рекомендации парторга, в виде исключения, с отца бронь-то и сняли.

Мирон рассказывал о походе отца к парторгу с такой важностью, словно это был очередной его подвиг. Витька с лёгким чувством зависти внимал приятелю и рассуждал: «Коли есть исключение одному – скоро, стало быть, и другим будет».

Между тем, вторжение фашистов очень быстро коренным образом изменило жизненный уклад советских людей. Вот и жители Филейки на себе почувствовали это. Вскоре после начала войны увеличилось время рабочего дня, отменили выходные.

В помощь на строительство завода из города регулярно прибывали сотни кировчан. Привлекли к работам и заключённых из ИТК. Техники никакой не имелось. Только лопаты и топоры, да и тех не хватало. Люди рубили лес, корчевали пни, рыли траншеи для коммуникаций.

На строящееся предприятие начали прибывать иногородние специалисты с кое-каким оборудованием. Спешно возводимый завод был крайне необходим для обороны Родины...

***

На следующий вечер после проводов Михаила Поликарпыча Витькин отец пришёл с работы домой позже обычного. Был он сам не свой, что называется – «на взводе». Как оказалось, случилось ЧП. На стройке батина лошадь наступила на оборванный электрический провод – и её убило током. От начальства влетело всем: и рабочим, оставившим в суматохе провод без присмотра, и отцу «за недогляд».

– Эх, жаль лошадеху, всё же душа живая была. Очень уж они, лошади, к току чувствительны; ну, да ладно; знать, судьба, – вздохнул отец горько. – Пойду, значит, и я завтра к парторгу – на фронт проситься.

– Да что ж ты удумал! – заголосила мать. – А про нас-то забыл? Пятеро детей мал мала меньше! Лёшке всего третий месяц от роду. А убьют тебя там? Да как же я одна тут с ними? Не пущу!

– Вот глупость! У всех дети. А ты как в той песне: «В красной армии штыки, чай, найдутся, без тебя большевики обойдутся». Кто же вас тогда защитит? Что ж я, хуже других?

– Тебе бронь дали. Вот и работай. Чего на рожон лезть? Не пущу! – не унималась мать.

Родители ещё долго спорили и ругались, пока, наконец, отец не хлопнул кулаком по столу, да так, что посуда попадала на пол.

– Я решил. Точка! – заявил он, сверкая глазами.

Мамка после этого отвернулась и больше с ним не разговаривала.

3 июля по только что установленному первому на Филейке радиорепродуктору люди, затаив дыхание, прослушали речь Сталина, в которой он впервые обратился к народу со словами: «Братья и сёстры!» Люди услышали, что лучшие дивизии фашистов уже разбиты. Вождь говорил о неисчерпаемости наших резервов. Призывал отдать все силы для победы над врагом.

А вечером того же дня отец вернулся домой с повесткой в кармане. Мать сердилась на батю всё сильнее. Молча собрала на стол пришедшим проводить знакомым. За нехитрым угощением особо не разглагольствовало. Дядя Зиновий пожелал отцу быстрее разбить немца и вернуться домой. Разошлись скоро, ведь всем надо было спозаранку на работу.

На следующий день мрачный из-за ссоры с мамой отец простился со всеми. Взял старый чемоданчик и направился к ближайшей от Филейки автобусной остановке, было до неё километра полтора. Витёк, несмотря на отговоры бати, пошёл его провожать. Они долго топали молча вдоль недавно проложенных пустых трамвайных путей. Первый трамвай от завода в город должен был начать ходить по осени. Витькина душа рвалась на части оттого, что мама так и не простила отца.

Через пару дней они узнали, что папка находится на сборно-учебном пункте РККА. Располагался этот пункт к западу от Кирова на Московском тракте, в бывших корпусах Вятской духовной семинарии, но попов оттуда давно выгнали и нашли для этой огороженной забором территории более «политически-правильное» применение*.

[*Примечание: В этом месте размещалось впоследствии КВАТУ (Кировское Военное Авиационно-Техническое Училище), расформированное в 2010 г. В конце 2012 г. территория с комплексом зданий возвращена Вятской епархии РПЦ.]

Александра Климентьевича не отправили сразу на фронт, как папу Мирона. И дети с бабушкой стали ходить к нему «в гости» каждый день. Мамка собирала для отца щедрые по их меркам гостинцы. Она уже оттаяла и в душе простила батю, но всё ещё хранила суровый вид при упоминании о нём и на встречи к нему не ходила.

А встречи эти были такие. Обычно в пятом часу вечера ребята под предводительством бабушки, прихватив узелок с гостинцем, выходили из дому. Обходя город стороной, просёлочными дорогами, часам к шести они прибывали на место. Дальше приходилось ждать, пока отца отпустят на свидание. Ждали от нескольких минут до 1-2 часов. А однажды, было дело, отца совсем не отпустили. Томительные минуты перед встречей с папкой иногда скрашивались патефонной музыкой, доносящейся из-за забора: по вечерам для солдат крутили пластинки с патриотическими песнями.

После мучительного ожидания – короткое, на несколько минут, свидание. Батя выходил к ним в новеньком обмундировании. Всех обнимал, гладил. Вместе кушали, сидя на травке, принесённый отцу гостинец. Он говорил, что кормят солдат очень хорошо, поэтому большую часть гостинца тут же с аппетитом съедали дети. Папка рассказывал, как их с утра до вечера учат военному делу. Учат стрелять, разбирать оружие, ползать по-пластунски, бить штыком и многому ещё.

По сведениям отца, их батальон должны были месяц продержат на этом сборно-учебном пункте перед отправкой на фронт. В конце каждого свидания батя, отведя в сторонку бабушку, спрашивал про мамку, говорил: пусть придёт. Бабушка отвечала, что мама всё собирается прийти, но работает допоздна, да дел по хозяйству очень много, но вскорости придёт обязательно...

***

Так прошло несколько дней. Однажды вечером, в самую середину июля, Витёк с Кузей, как договаривались накануне, зашли к Мирону. Они собирались, по обыкновению, рыбачить «с ночевой».

Войдя в избу, ребята обнаружили Мирона, как правило, всегда в готовности ожидавшего друзей, на этот раз лежащим на кровати, отвернувшимся к стенке. Его мать и сёстры были в другой комнатке. Солнечный луч, заглядывая через отворённое окошко, падал на лежащую раскрытой на столе ту самую газету с фотографией Михаила Поликарпыча. Витька вновь невольно полюбовался на батю Мирона. Тишину комнаты нарушало лишь противное жужжание мухи под потолком.

– Эй, хватит дрыхнуть, весь клёв проспишь, – позвал приятеля Витёк.

– Тише, – шепнул Витьке на ухо Кузя и, слегка ткнув его локтем в бок, кивнул в угол.

Только тут Витёк заметил, что большое зеркало, стоящее в углу комнаты, занавешено покрывалом.

– Папку убили, – не поворачиваясь к друзьям, дрожащим голосом выдавил страшные слова Мирон.

Всё перевернулось! Всего пару недель прошло как Михаил Поликарпыч живой, здоровый, геройский уходил на фронт громить фашистского гада, и на тебе! Их эшелон уничтожен немецкой авиацией где-то под Новгородом. Отец Мирона погиб вместе с сотнями таких же красноармейцев, не успев даже добраться до линии фронта.

С той поры незваные гости – похоронки – словно серые каркающие вороны, одна за другой всё чаще и чаще стали прилетать в дома, неся с собой страдания и боль. Известие о гибели Михаила Поликарпыча потрясло всех. Люди ждали его скорого возвращения с победой, как после Финской, и не представляли, что смерть может случиться так быстро, так нелепо.

На следующий же вечер, придя с работы, мама засобиравалась скорее на встречу к отцу. Обиды, гордость – всё было забыто пред лицом смертельной опасности.

На этот раз путь показался особенно долгим; наверное, из-за того, что мама всё спешила и торопила их. Придя, наконец, на КПП сборно-учебного пункта Красной Армии, они узнали, что батальон отца досрочно окончил курс подготовки и утром отправлен на фронт.

Мама осела на траву, обняла руками убранный платком голову и тихонечко заплакала. Из-за забора доносились негромкие звуки патефонной музыки и приятный голос певца:

*Сосняком по откосам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озёр!
Ломят танки широкие просеки,
Самолёты кружат в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на итьяхах.
Мы привыкли брататься с победами
И опять мы проносим в бою
По дорогам, искоженным дедами,
Краснозвёздную славу свою...*

5. ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

С тех пор, как на Филейке появился первый радиорепродуктор, все, кто мог – от мала до велика – стали слушать ежедневные сводки Совинформбюро. Не был исключением и Витька. Люди заранее собирались под большим угловатым рупором и с надеждой в сердце вслушивались в каждое слово диктора. О, этот редкий по тембру и выразительности голос, разносившийся над толпой – он вселял в слушателей уверенность в скорой победе! «Ле-ви-тан», – несколько раз по слогам повторил про себя Витёк странную фамилию диктора, когда впервые услышал её, чтобы получше запомнить.

Июльские сводки вселяли оптимизм. Почти ежедневно в них говорилось: «Наши войска наносят немецкой армии большое поражение». Часто сообщалось, что Красная армия, разгромив крупные силы фашистов, перешла в наступление. Количество ежедневно сбиваемых фашистских самолётов в сводках Совинформбюро доходило до ста и более. Наши потери всегда были в 2-3 раза меньше немецких. Лишь однажды передали, что советские войска осуществили планомерный отход из города Львова на заранее подготовленный рубеж обороны. Приграничный Львов – единственный город, об оставлении которого сообщили по радио.

Поэтому Витька был ошарашен, когда однажды, где-то в конце июля, прослушав очередную такую сводку, дядя Зиновий, тихонько выругавшись, процедил:

– Плохо дело, драпаем.

Витёк не поверил своим ушам. Увязался за уходящим работать дядькой и потребовал объяснений.

– А ты чем радио слушаешь? – спросил на ходу у племянника дядя Зиновий. – Понимаешь ли, где сейчас фронт?

– Ушами слушаю, – обиделся Витька. – А фронт – ну, где-то у границы. Ну и что? Скоро наши фашистов погонят!

– У гра-ни-цы! – передразнил дядька. – Лучше слушай! Тут, окромя ушей, ещё и голова нужна, да чтоб соображала, – и постучал племянника по лбу.

С тех пор Витёк стал обращать внимание, что в сводках иногда упоминаются какие-то направления, на которых идут бои. Но что это за направления такие, где они? Он пробовал

искать в учебнике по географии Новоград-Волынское, Невельское, Порховское направления или хоть что-то похожее, но у него так ничего и не вышло.

В августе из сводок как-то невзначай исчезла до этого регулярная формулировка: «Наши войска наносят немецкой армии большое поражение». А вскоре диктор время от времени стал сообщать об оставленных городах. В вечерней сводке за 13 августа, как бы между прочим, сообщалось: «Несколько дней назад наши войска оставили Смоленск». Витька бросился домой, думая: «Смоленск, очень знакомое название. Где ж это?» Раскрыв учебник, он обомлел: от Смоленска до Москвы оставалось уже меньше, чем от довоенной границы до этого самого Смоленска! А диктор сказал, что Смоленск оставили несколько дней назад. Покрутив линейкой, Витёк высчитал, что фашисты всего в трёхстах километрах от столицы. Драпаем! Как же так?!

Витёк был в недоумении. Как такое возможно, что «непобедимая и легендарная» Красная Армия, которая «всех сильнее», так поспешно отступает? Ведь разгромили же японских самураев в боях у озера Хасан в 1938-ом и на Халхин-Голе в 1939-ом. С белофиннами в 1940-ом тоже быстро справились. Не говоря уж о победном шествии Красной Армии по Прибалтике и Польше, вернувшем СССР территории Западной Украины и Белоруссии. Всё это было совсем недавно, ведь не приснилось же! Советским людям все эти годы внушали, что если начнётся война, Красная Армия сразу перейдёт в наступление и быстро разгромит врага на его территории. Что же случилось? Неужто фашисты так сильны?

***

А жизнь с каждым днём становилась всё сложнее. Мама с утра до вечера работала. Бабушка занималась хозяйством. Покупку продуктов возложили на плечи одиннадцатилетнего Витьки, как старшего из детей. Огромное количество времени у него теперь отнимало стояние в очередях за едой. Полки магазинов давно опустели, народ скупил уже всё, что можно. А для того, чтобы купить буханку хлеба, приходилось занимать очередь в четыре утра. Отлучаться нельзя, так как частенько устраивалась перепись очереди, и, если человека не оказывалось на месте, его тут же без разговоров вычёркивали. На покупку буханки хлеба Витька тратил ежедневно примерно по шесть часов.

Сильно тревожило отсутствие известий от отца. Их мама, Катерина Павловна, очень расстраивалась из-за ссоры с батей и виноватила себя за то, что не успела проститься с ним. Думала, что это из-за обиды на неё отец не пишет.

– Да не умеет он толком писать, читает-то еле-еле по складам, вот и не пишет, – пыталась её утешить бабушка.

– Сам не может, так попросил бы сослуживца какого грамотного; чай, не откажут. Да хоть бы только адрес узнать, я б сама ему написала, прощения бы попросила, – продолжала расстраиваться мама...

Строительство филейского завода набирало обороты. Временно привлечённых из ИТК заключённых вскоре сменил стройбат. Нарастивались темпы работ, но до завершения было ещё ой, как далеко! Всё больше народу приезжало на строительство 315-го завода из других городов. В конце августа прибыло крупное, в несколько сотен человек, пополнение эвакуированных ребят-ремесленников из Одессы.

Однажды Витька, стоя в длинной очереди за крупой, познакомился с разговорчивым 16-летним Колькой-одесситом. Колька рассказал, что их город начали бомбить с первого дня войны. Много дней горело взорванное нефтехранилище. Немцы разбомбили весь порт, затонуло множество кораблей. В этих ужасных условиях молоденькие ребята сталинского призыва ремесленных училищ продолжали ежедневно учиться и работать. Через месяц после начала войны им объявили об эвакуации. Строем в парадной форме шли они пешком 120 км до Николаева. Передвигались по ночам, опасаясь авианалётов. Отсыпались на полях в неубранных скирдах. Через четыре дня добрались. Только отправились из Николаева дальше в Херсон, как

ночью в город вошли немцы. То же самое случилось и в Херсоне – только успели они уехать, как на следующий день его заняли фашисты. В тот момент им казалось, что всё уже кончено, германская армия шла по пятам. Потом через Запорожье, Горький, на открытых платформах, в товарняках добирались к месту эвакуации – в Киров. В пути их часто бомбили. Спасаясь, мальчишки прыгали из вагонов и разбегались в разные стороны. Продуктов, выданных ещё в Одессе, хватило ненадолго, пришлось голодать. В долгой и трудной дороге ребята терялись, гибли в бомбёжках. До Кирова добирались месяц. К месту эвакуации прибыли едва ли две трети вышедших из Одессы.

– Где ж вы сейчас живёте? – спросил Витёк.

– У поликлиники, в землянках, в которых до нас зеков держали, – отвечал Колька. – Ничего, нормально. Главное, здесь бомбёжек нет!

***

В самом конце августа почтальонша наконец-то принёсла долгожданное письмо от бати – потрёпанный сложенный треугольником листок, на котором обратным адресом значилось: «Действующая армия, полевая почта № ...».

В письме были батины слова, записанные красивым почерком кем-то из грамотных сослуживцев: «Здравствуйте, мои дорогие мама Анна, жена Катерина, дети Витя, Таня, Маша, Толя и Алёшка! Только что наш батальон прибыл на фронт, и выдалась свободная минутка рассказать вам мои новости. Во-первых, хочу сказать тебе, дорогая моя Катенька, что ты у меня самая лучшая жена в мире. Не обижайся на меня и прости, что ушёл воевать добровольцем, оставив тебя с детьми, но по-другому я не мог. Виноват в нашей разлуке не я, а проклятый Гитлер, напавший на нашу Родину. Знай, что и я тебя простил. А фашистам от меня скоро достанется. Мы с товарищами выгоним всех врагов с нашей земли. Я вернусь, и будем жить хорошо-хорошо! Мы сейчас возводим оборонительный рубеж перед Смоленском. Роем окопы, оборудуем блиндажи. Ждём, когда подойдут фрицы, чтобы всыпать им по первое число! У нас есть приказ командования – в Смоленск врага не пускать! И мы с товарищами приложим все силы, чтобы его выполнить. И погоним фашистов с нашей земли! Оставайтесь здоровыми и пишите мне, буду ждать. Ваш сын, муж, отец Александр. 2 августа 1941 г.»

Получив это письмо, в семье не знали, что делать – радоваться или плакать? Получить долгожданную весточку от отца, конечно, радостно. Но письмо написано почти месяц назад. Все знали, что наши войска давно выбиты из Смоленска. Тяжёлые мысли бередили душу. Что же произошло с батей, с их батальоном, стоявшим на передовой? Пока всё это оставалось тревожной загадкой.

6. ГЛАЗА, ПОЛНЫЕ ГОРЯ

Вот и подошло к концу горячее, горькое лето 1941-го года. Чтобы хоть как-то упорядочить снабжение населения, власти ввели карточки на основные продукты. Продовольственные нормы невысокие, но позволяли худо-бедно существовать. Введение продкарточек облегчило Витькину жизнь. Теперь ему уже не нужно было простаивать по полдня в очередях за хлебом. И 1 сентября он, как все нормальные дети, пошёл учиться.

Всё бы ничего, но ближайшая к их деревне школа, располагавшаяся у КУТШО, была начальной, четырёхлетней. И теперь перешедшему в пятый класс Витьке приходилось ежедневно пешком топтать в школу на улице Дрелевского. На дорогу уходило больше часа в один конец. Добравшись до города по грязному, размокшему по осени Филейскому шоссе, сворачивал он на Октябрьскую улицу. Шёл по ней мимо старого Богословского кладбища*, за которым виднелась тренировочная парашютная вышка.

[*Примечание: Богословское кладбище снесли после войны. Сейчас на том месте стоит Областной Дом Народного Творчества.]

Октябрьская улица представляла собой широкий, поросший травой пустырь, вытянувшийся по окраине города с севера на юг.* По сторонам редели невысокие, большей частью деревянные дома. Посередине улицы пролегла узкая дорожка, по которой проезжал время от времени редкий транспорт – телеги с запряжёнными в них лошадьми. Несколько раз в день тишину улицы нарушало урчание мотора автобуса или грузовичка, а легковые автомобили были вообще в диковинку. Глядя на проезжавшие повозки, Витька частенько вспоминал их последнюю с батей поездку в город.

[*Примечание: Ныне Октябрьский проспект – главная улица г.Кирова.]

Не успели ребята начать учиться, как в здание школы въехал военный госпиталь. Их классу выделили какую-то небольшую каморку ещё дальше от дому. Направляясь на учёбу, Витёк почти с середины пути видел ориентир – высокую водонапорную башню, стоявшую прямо посреди Октябрьской улицы. Рядом с этой башней они и учились.

Однажды их класс послали на субботник прибирать территорию вокзала. Вскоре к радости мальчишек, издав протяжный гудок, появился из-за поворота грохочущий паровоз. Большой, чёрный с красной звездой спереди, чадящий копотью паровоз притащил за собой вереницу разномастных вагонов и, выпустив клубы пара, замер у резервуара с водой.

То прибыл в Киров очередной поезд с эвакуированными из Ленинграда. Их было много, особенно маленьких ребятшек дошкольного возраста. Дети бросались на шею встречавших воспитательниц и кричали: «Тётя, скажи, где моя мама?». Никто не мог без слёз смотреть на этих перепуганных бомбёжками детишек, увезённых от оставшихся погибать, защищая родной город, родителей. Надолго запомнились Витьке эти детские глаза, полные горя.

Витёк тогда ещё не знал, что пока этот поезд добирался до Кирова, гитлеровцы окружили Ленинград и началась блокада города, которая будет продолжаться почти 900 дней и унесёт сотни тысяч человеческих жизней.

***

Мама хотела перевести Витьку учиться поближе к дому – в школу села Филейка, до которой добираться от Суханов гораздо ближе, но к концу сентября стало не до учёбы. Каждый день дети ходили в лес собирать сучья на дрова: ведь зима была не за горами. Так и забросил Витёк школу до лучших времён, как и многие его сверстники.

На глазах Витьки происходило становление филейского завода. С началом войны, несмотря на возросшие трудности, связанные с нехваткой стройматериалов, темпы строительства нового завода № 315 заметно выросли. Дядя Зиновий рассказывал Витьке, как сооружались бараки для размещения производства. Один из корпусов из-за отсутствия цемента строили из дерева, крыша его держалась на нескольких сотнях деревянных столбов, поэтому внутри корпуса было как в лесу. Срочно строили электроподстанцию, другие вспомогательные сооружения.

По филейским деревням уже ходили слухи о скором прибытии эвакуирующегося завода с оборудованием и людьми, но подробностей толком никто не знал.

Весь сентябрь в скупых сообщениях Совинформбюро ежедневно говорилось об упорных ожесточённых боях на всей линии фронта. Как-то раз Витька стоял, по обыкновению, в толпе и слушал очередную сводку. Передавали, что оставшаяся глубоко в тылу противника Одесса не сдаётся, продолжает вести героическую оборону, и её защитники уже разгромили несколько румынских дивизий. Витёк глядел на лица стоящих рядом эвакуированных ребят-одесситов и видел их влажные глаза и крепко стиснутые зубы.

Вскоре проводили на войну и дядю Зиновия. Он оказался на том же сборно-учебном пункте РККА, где в своё время ожидал отправки на фронт Витькин батя. Однажды Витёк вместе с роднёй пришёл навестить дядьку. Немало удивились они тогда виду красноармейцев. Дядя Зиновий предстал пред ними в нижнем белье и каких-то замызганных башмаках. Так же были «обмундированы» и его сослуживцы.

– Формы на всех не хватает, – ругался раздосадованный дядька. – Выдали нам обмундирование, а через три дня отобрали для срочно отбывающих на фронт. Теперь неделю уж строим в исподнем ходим. Тьфу! Цирк какой-то, так их растак!

Посещение сборно-учебного пункта вызвало тяжёлые чувства, напомнило об отце. И так стало нехорошо на душе у Витьки, что с тех пор он туда больше не ходил.

Однажды серым октябрьским утром, когда мелкий осенний дождик мочил кучки опавшей листвы, Витёк зашёл проведать своего друга Мирона. Был там и Кузя со своим старшим братом, шестнадцатилетним Григорием. Ребята поговорили о житье-бытье, повспомнили погибшего Миронова отца Михаила Поликарпыча. И тут Мирон вытащил лист бумаги, исписанный ровным детским почерком. Григорий, как старший, взял его в руки и стал читать: «Военному комиссару Сталинского района города Кирова. Заявление. Прошу принять меня добровольцем в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, так как я хочу с оружием в руках защищать нашу Советскую Родину и мстить фашистам за смерть отца. Умею хорошо стрелять из охотничьего ружья. Могу быть снайпером или разведчиком. Буду дисциплинированным, смелым, до конца преданным Родине бойцом. Я уверен, что моя рука не дрогнет и все пули пойдут точно во врагов».

– Вот так дал! – восхитился приятелем Витька.

– Молодец, здорово придумал! – подтвердил Кузя.

– Всё это, конечно, хорошо, – попытался вразумить друзей Григорий, – да только ничего не выйдет: тебе ж на днях четырнадцать только стукнуло. Кто ж тебя в армию-то возьмёт, да ещё и на фронт? Исключено.

– Ничего ты не понимаешь! – выговаривал ему Мирон. – Мой возраст будет козырем, если меня в разведку послать. Я у немцев меньше подозрений вызову, чем здоровый мужик, верно? А выносливость и меткость у меня получше чем у некоторых!

– Шёл бы ты, парень, на завод устраиваться, там больше от тебя пользы Родине будет. Вот я уже с начальником отдела найма поговорил, берут меня на работу.

– Я в армию хочу, за батю поквитаться! А не возьмут, убегу на фронт, там примут!

***

Витька возвращался домой понурый. Все в семье переживали из-за отца. После единственной полученной с фронта весточки писали бате в действующую армию уже трижды, а ответа всё не было. Ему вдруг захотелось убежать на фронт вместе с Мироном, повстречать там папку и воевать вместе против фашистов.

Дома было пусто. Лишь из-за занавески, отделяющей бабушкин угол, доносились лёгкие шорохи. Витёк тихонечко скользнул за пёструю материю. Бабушка стояла спиной к Витьке и нашёптывала молитвы. Перед ней на комодке возвышалась икона с величественным седобородым дедом. Витька не знал, что это за образ, он видел его впервые. Наверное, бабушка из какой-нибудь разрушенной церкви принесла: Витёк слышал, что некоторые несознательные элементы так делают. «Хорошо же бабушка икону прячет, раз никто в доме про неё не знает», – вздохнул про себя Витька.

Сам-то он, как порядочный пионер, в Бога не верил. И на бабушку в этом вопросе смотрел свысока. Как-никак за плечами Витьки имелся солидный багаж из законченных четырёх классов, а у бабушки всё образование – три класса церковно-приходской школы. «Что поделывать, пережитки прошлого, – рассуждал просвещённый паренёк. – Ведь объяснил же прогрессивный английский учёный Чарльз Дарвин, что обезьяна превратилась в человека, что тут может быть непонятного?!»

Витька подошёл к окошку и взглянул на хмурое небо. «Вот если бы бабушкины молитвы могли помочь отцу, Родине... А так что толку от них?» – подумалось мальчишке. В это время раздался нетерпеливый стук в дверь. Витька вышел, а через мгновение влетел обратно с радостным криком, держа в руке заветный мятый треугольник.

– Бабушка! Скорей! Письмо от бати!

– Читай, милоч, читай, – бабушка, крестясь, появилась из своего угла.

Витька принялся читать вслух. В письме отец с горечью описывал события сражения за Смоленск. Как они из последних сил держали свой рубеж обороны, отражая бесчисленные атаки фашистов. Как пришлось им, непобеждённым, отходить, оставив этот рубеж, чтобы не угодить в окружение. Как напоролись неожиданно в лесу на громадную колонну гитлеровцев и в завязавшемся бою его тяжело ранили. Как однополчане тащили его, раненого, двое суток к своим.

Из письма они узнали, что отец был дважды ранен в плечо и в ногу. Но уже шёл на поправку, находясь в подмосковном одинцовском госпитале.

Вечером Витька зашёл к Миرونу узнать результаты его похода в военкомат. Мирон был угрюм и неразговорчив. «Не взяли», – понял Витька и предложил другу вместе бежать на фронт. Мирон тут же оживился.

– Давай. Может, к партизанам прорвёмся. Там такие, как мы, точно пригодятся! – предложил Мирон.

– Не, я к отцу хочу, вот и адрес госпиталя есть, – возразил Витёк, – Он уже скоро поправиться должен, там и повоюем.

– Да, повоюешь ты! Меня вон в военкомате чуть ремнём не выдрали: мол, дурь из тебя вышибем. А потом объяснили, что у них сверх планового призыва ещё больше тысячи заявлений лежит от добровольцев. Так что не всех ещё берут, и нам, малолеткам, ничего не светит. А ты думаешь, в армию придёшь – и тебя там с распростёртыми объятьями встретят?

Просовещавшись весь вечер, ребята решили с утра пораньше бежать на фронт, а там будь, что будет!

Лёжа под тёплым лоскутным одеялом, Витька всё никак не мог уснуть в ту ночь. Мешали воспоминания. Вокзал, паровоз. Малыши-дошколята, эвакуированные из Ленинграда. «Скажи, где моя мама?» – и детские глаза, полные горя.

7. ПОБЕГ НА ВОЙНУ

Шёл четвёртый месяц войны. Фашисты всё ближе подбирались к Москве. Из столицы на восток непрерывным потоком эвакуировались промышленные предприятия и люди. Стонали перегруженные транспортные артерии; ведь из тыла в сторону фронта перебрасывались всё новые и новые подкрепления: люди, техника, боеприпасы. Словно в гигантской топке, сгорали они в пламени войны, и пламя это никак не могло насытиться.

9 октября 1941 года Государственный комитет обороны принял постановление об эвакуации московского завода № 32 в далёкий город Киров.

А в Кирове, на северной его окраине – Филейке, встретились в то утро два паренька, решивших бежать на войну бить немцев. Было по-осеннему сыро. Остывшая за ночь стройплощадка пряталась в густом тумане. А Витька с Мироном решили начать свою авантюру с визита к дяде Филиппу. Добравшись до располагавшейся рядом с Филейским шоссе, деревни Тиминцы, пацаны вошли в покосившуюся избу. Безногий дядя Филипп, выглядящий из-за косматой бороды гораздо старше своих лет, уже работал, как обычно, починая чью-то обувь.

– Дядя Филипп, нам задание в школе дали: про беспризорников написать, – соврал, не моргнув глазом, Мирон.

– Ну, заходи, послушаете, – мужик отложил в сторону инструмент, почесал по-простецки бороду. Он был рад неожиданному визиту мальчишек. – Чаво рассказать-то?

– А как вы по стране путешествовали, куда ездили, где бывали?

Простоватый одинокий калека дядя Филипп жил бобылём. И когда выпадала редкая возможность рассказать про свою жизнь – использовал её по полной. Ловко вскарабкавшись, он устроился прямо на рабочем столе рядом с верстаком и принялся пересказывать свою судь-

бинушку. Отец его погиб на империалистической войне, мать умерла от тифа после революции. Жили с братом и сестрой у родственников, которые тоже все погибли. Кого-то убили на гражданской войне, кто-то умер от голода и заразных болезней. Так в четырнадцать лет остался он один на белом свете. Три года скитался с беспризорниками в поисках лучшей доли по всей России. Именно этот период жизни дяди Филиппа и интересовал больше всего мальчишек.

– А как же вы на поездах ездили без денег, без билетов? – направляли пацаны разговор в нужное русло.

– Так на товарняках. Товарняки – они что? На станции обычно их сторожат. Так выберешь, бывало, место сразу за станцией; желательно, чтобы дорога в горку была. Тогда, пока паровоз не раскочегарился и скорость не набрал, можно запрыгнуть под проползающий мимо вагон. Потом нужно быстро выискать под вагоном такую скрепу, схватиться за неё покрепче и завернуться в собачий ящик. Если к этому времени ещё цел, считай, полдела сделано. Так мы и путешествовали после Гражданской.

– А что это за скрепа такая? Где её под вагоном найти?

– Э-э-э, ребята, вона что! Никак в путешествие собрались, – горько усмехнулся дядя Филипп. – Ну, так на это я вам вот что отвечу. Чтобы так ездить, большая тренировка нужна. Да и то вона эсколь нашего брата погибло! Умеючи и то, чуть зазевался – вмиг ходули отрежет!

После этих слов он красноречиво похлопал по своим култышкам и добавил:

– То-то! А по нынешним временам-то может, оно и к лучшему, что отрезало, пёс его знает...

***

Ребята возвращались восвояси несолоно хлебавши. Вопрос, каким способом добираться до фронта, так и не был решён. Култышки дяди Филиппа произвели впечатление. Немного покумекав, мальчишки решили всё же ехать товарняком, спрятавшись внутри вагона. А как иначе? Не пешком же идти, так и до зимы не добраться! Об автомобильном транспорте даже и не заикались. Известно было: осенью и весной в Кировской области дороги превращаются в непролазную трясиину – такую, что и на танке не проехать.

Пацаны разошлись по домам собираться в путь. Основательно подкрепились в дорогу, оставили для родных прощальные записки. Встретились вновь, как обычно, у овражка. Уже готовые, с котомками направились они напрямиком на 16-й разъезд. На этой небольшой станции, спрятавшейся в лесу за посёлком Ганино, где ненадолго останавливались грузовые составы, им повезло. Довольно быстро отыскали они пустой крытый вагон. Скоро поезд тронулся.

– Что ж, в добрый путь! – промолвил Витёк. – Хорошо у нас получилось.

– Да, но это только начало, – отозвался Мирон. – Нам, главное, в Лянгасово удачно вагон найти. До Горького доберёмся, а там уж будем искать состав в сторону фронта.

– А куда мы направимся?

– Это уж как повезёт. Фронт большой. Можем и в Карелии оказаться, можем и на Украине.

Уже вечерело, когда два паренька добрались до огромной сортировочной станции Лянгасово. Витька никогда раньше не бывал на таких станциях и не представлял себе, как они смогут сориентироваться среди всех этих составов и десятков путей, растянувшихся на километры. Мирон тоже был сбит с толку, но, как старший, не подавал виду.

Прошли обходчики, стуча по колёсам вагонов. Дождавшись сумерек, ребята выпрыгнули из убежища. Мирон всё это время наблюдал за составами и сделал вывод, что они уходят со станции по очереди. Осторожно, чтобы не попасться на глаза охране, ребята пролезали под вагонами. Так они добрались до состава, который, по мнению Мирона, должен был вскорости отправиться. Долго крались они вдоль вагонов, но подходящего для поездки всё не находилось.

Наконец, Мирон вскарабкался по боковой лесенке и посвистел сверху Витьке. Тот последовал за товарищем. Вот и оказались они в своей новой резиденции на колёсах. Однако

этот полувагон по комфорту заметно уступал предыдущему. Почти полностью он был заполнен углём, не было крыши над головой. Ребята могли расположиться только лёжа, тогда деревянные борта чуток закрывали их от ветра.

Не успели друзья перекусить, как раздался сильнейший удар и грохот. Поезд тронулся. Хорошо, что ребята лежали, иначе скувырнулись бы от такого рывка. Вскоре радость от быстрой отправки сменилась недоумением. Их вагон принялись таскать по всей станции, прицепляя то к одному составу, то к другому.

– Чёй-то нас туда-сюда мотают? – пробурчал Витька.

– Сортируют, – догадался Мирон. – На то она «сортировочная станция» и зовётся.

Так продолжалось до глубокой ночи, пока, наконец-то, их вагон не оказался прицепленным к длиннющему эшелону. Сразу стало понятно, что теперь их состав сформирован и ждёт отправления. К этому времени были они совсем далеко, где-то в трёх верстах от места прибытия на станцию. Стало холодать. Мальчишки натянули все вещи, прихваченные из дома. Чувствовалась усталость, но сон не шёл. Они лежали на угольных камнях. Но эти неровности и холод не прогоняли сон так, как отгоняло его чувство опасности.

– Мироха, что если нас поймают?

– Худо будет. Военное время ведь, долго, поди, разбираться не станут. Так что сиди тихо.

Вскоре в ночи послышались шаги. Всё ближе и ближе. Ребята, затаив дыхание, вжались в уголь. Вдруг тот, кто шёл, остановился около их вагона. Витьке казалось, что его сердце колотится на всю станцию. Мальчишки услышали характерный звук падающей на гравий струи. Несколько секунд, показавшихся вечностью, и шаги стали удаляться. Кто это был – охранник, железнодорожник, диверсант – перепуганные ребята так и не узнали.

***

Где-то под утро – грохот, удар, и поезд, наконец, тронулся.

– К вечеру, поди, до Горького доберёмся! – обрадовался Витёк

– Больно ты шустрый, это ж не пассажирский тебе. Кто его знает, сколько проедем, – ответил Мирон.

– А хорошо бы всё-таки воевать, где потеплее.

На это замечание друга Мирон хотел ответить, что и за полярным кругом люди воюют. Но тут на ходу стало так зябко, что Мирон промолчал, а в душе даже и согласился с Витькой. Только с рассветом, когда воздух начал мало-помалу прогреваться, стало чуть легче.

Поезд плёлся еле-еле, часто останавливался. Мальчишкам казалось, что они больше стоят, чем едут. Впрочем, так оно и было. Ребята и покемарить успели, отогревшись на скупом осеннем солнышке. Всю дорогу из вагона не высывались, благо еда в запасе имелась. Одно – плохо: воды взять не догадались, но было не жарко, пить не очень хотелось.

Вскоре после полудня встали на крупной станции.

– Шахунья. Полдороги до Горького, – определил Мирон.

Через пару путей от их вагона, загороженный другими составами, стоял армейский эшелон. До ребят доносились звуки гармошки, залихватские частушки, громкие команды, какие-то крики, смех красноармейцев. Ребята лежали, притаясь.

– Вот бы нам в тот эшелон напроситься, и сразу на фронт, – прошептал Витька.

– Мечтать не вредно, – тихонько вздохнул Мироха, – да не получится. Ни один командир на себя ответственность не возьмёт. Уж когда на место прибудем, тогда другое дело.

– Возьмут нас в армию?

– А куда ж денутся? Или мы к партизанам прорвёмся.

Мирон пытался говорить убедительно, но уже сам понимал, что затея с прорывом к партизанам – штука довольно-таки фантастическая.

Через полчаса их поезд тронулся. Странно, что он ушёл со станции раньше красноармейского эшелона. Ведь составы с солдатами, спешащие на фронт, пропускались в первую очередь. Зато на ходу можно вновь громко разговаривать, шутить.

– Как думаешь, у нас на Филейке завод быстро построят? – кричал Витёк, перекрывая стук колёс.

– Ага! – орал, щурясь, Мирон, и его волосы трепал ветер. – Мать говорила, скоро военный завод к нам эвакуируют и людей ещё привезут.

Так и ехали весь день. Сквозь облака частенько выглядывало солнышко. Впереди чадил трудяга-паровоз. И всё бы хорошо, но уже очень хотелось пить. Наконец, ближе к вечеру прикатили на большую, забитую поездами станцию.

– Горький, кажись! – обрадовал друга Мирон.

Перепаханые, как трубочисты, ребята спрыгнули на землю и, размяв затёкшие мышцы, осторожно поплелись вдоль составов. Они решили вначале выйти в город, чтобы добыть воды и хлеба, прежде чем продолжать путешествие. Пацаны осторожно пробирались меж бесконечных вагонов. Сумерки, опустившиеся на станцию, были им в помощь. Шли они наугад. Вдруг, о чудо, ребята заметили прямо меж путей колонку. Попробовали нажать. Вода! Мальчишки стали по очереди жадно пить. Ещё и ещё.

– Ну как, водохлёбы, наладились, что ли? – раздался вдруг резкий окрик.

Ребята вздрогнули, дёрнулись, но не тут-то было. Их крепко схватили, больно вывернули руки и куда-то поволокли.

8. У КАЖДОГО – СВОЙ ФРОНТ

Так попались мальчишки патрулю. Их доставили в комендатуру и заперли в подвальной комнате, по виду похожей на тюремную камеру. Было очень обидно и как-то страшновато. Не успели ребята прийти в себя, как их отконвоировали наверх в тёмный кабинет, в центре которого за большим столом с лампой, тускло светящей зелёным абажуром, восседал грозный лысый дядька в наглаженном, с иголки, кителе. Перед ним лежала аккуратная стопка бумаги. С портретов на провинившихся пацанов строго взирали Сталин и Берия.

Гражданин в кителе, блеснув стеклом монокля, гневно взглянул на перепуганных мальчишек и процедил:

– Ну что, сучонки, приехали! Вся страна воюет с врагом, а вы тут внутри подрывную деятельность развернули! Я таких, как вы, насквозь вижу! Есть враг внешний – фашисты, про это всем известно. Но есть и враг внутренний, скрытый, а оттого ещё более опасный. Такого врага нужно давить без пощады! Сейчас вы у меня, как соловьи, запоёте!

С этими словами он придвинул к себе чистый лист и аккуратно вывел заголовок: «Протокол допроса».

Витёк, словно придавленный грузом тяжёлых обвинений, вжимался в деревянную скамью. Рядом дрожал поникший друг Мирон. А суровый комендант станции продолжал свой страшный монолог:

– Это из-за таких паразитов, как вы, наша Родина вынуждена отвлекать большие силы, так нужные фронту. Вот и мне вместо того, чтобы воевать с фашистами, приходится с такими воругами возиться! Да не с целью ли вредительства вы на станцию пробрались? – он нетерпеливо взглянул на часы – приближалась полночь, и, чуть понизив голос, продолжил:

– Сейчас прибудет майор Луговин с НКВД, ох, и не поздоровится вам! Предлагаю сразу во всём сознаться, пока его нет, для вас же лучше будет!

Подавленные, ребята не находили, что ответить. И что им взбрело в голову на фронт бежать? Сидели бы у себя в Кирове. А теперь расхлёбывай, такую кашу заварили! Тут из коридора донёсся шум приближающихся шагов. Вскоре дверь кабинета скрипнула. Ребята с ужасом взглянули на вошедшего. Высокий, подтянутый, квадратное лицо, нахмуренные брови под

синей фуражкой с красным околышем. Он был туго препоясан кожаной портупеей, над обшлагами рукавов суконной гимнастёрки защитного цвета алели большие звёзды. Вот он какой, майор Луговин.

Комендант станции вытянулся перед НКВД-шником.

– Докладываю. Задержаны два вредителя на режимном объекте. Пытались скрыться. Произвожу допрос, – прошелестел он.

– Продолжайте, – бросил майор, едва взглянув на пацанов.

– Так вот, выродки, чтобы не было вам хуже, сразу сознавайтесь во всём содеянном, – вновь взревел комендант.

– Стоп, Гляценко. Кто ж так допрос ведёт?! Я понимаю, вы здесь человек новый. Давайте-ка по порядку.

Майор начал задавать чёткие короткие вопросы, а комендант стенографировал допрос. Когда ребята словами: «так мы и оказались у вас в Горьком, водичку пили, а нас сцапали» завершили свой рассказ, они увидели ухмылки на лицах своих дознавателей. Какое-то время майор НКВД и комендант станции сдерживались, потом переглянулись и загоготали во всё горло.

– Чего они? – спросил тихонько у друга Витька.

– Не верят, наверное, – прошептал Мирон.

Вдоволь насмеявшись, подобревший майор обратился к ребятам:

– Эх, вы, фронтовики! Вы же в обратную сторону от фронта уехали.

– Ещё немного, и ищи–свищи водохлёбов вятских по всей Сибири, – уколол комендант.

– Дяденьки, а где мы? – спросил Витя.

– Станция Балезино, Удмуртская АССР – ответил комендант.

– Ладно. Всё ясно с этими героями, – НКВД-шник вновь стал серьёзен, – уводи их.

Мальчишки вновь оказались в подвале. Им выдали банку тушёнки и хлеб. А утром, проведя с ними крепкую «политико-воспитательную беседу», после которой стало больно при-саживаться на заднее место, комендант станции Балезино, взяв с ребят честное пионерское слово – не бегать больше на фронт, отправил их восвояси.

***

Обратно ехали с машинистами на паровозе. Тесновато, но очень интересно. По дороге мальчишки решили, что если на Филейке узнают, что они уехали в противоположном от фронта направлении, то их засмеют. Ребята пообещали друг другу про станцию Балезино держать язык за зубами. Пусть уж лучше думают, что хоть до Горького сумели добраться.

Вечером 11 октября пацаны вернулись домой. Они отсутствовали всего пару дней, а казалось, что прошло две недели. Топая по лужам мимо заводской стройки, ребята не заметили особых перемен. А перемены близились (и какие!). Мальчишки, конечно, и не догадывались, что именно в этот день из далёкой Москвы выбыл первый эшелон с оборудованием и людьми эвакуируемого сюда, на Филейку, оборонного завода № 32. Этот передовой по тем временам, единственный в своём роде завод, выпускавший уникальное авиационное оборудование, разделил судьбу тысяч предприятий, перебазировавшихся вглубь страны. И не думали тогда мальчишки, что героическая эпопея под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!», участниками которой им предстояло стать, уже началась.

Страшно было домой заходить. Но Витька вздохнул и вошёл. Мама и бабушка поначалу бросились обнимать непутёвого сына и сквозь слёзы радоваться его возвращению. Но вскоре опомнились и принялись очень крепко его отчитывать.

А всё же дома хорошо. Тёплая печка, дымящаяся картошка в чугушке, чай с сахаром вприкуску. И родные лица. Витька только сейчас понял, как успел соскучиться по маме и бабушке, братишкам и сестрёнкам. Жаль только, папка не с ними, а на этой проклятой войне, где каждую минуту гибнут люди.

– Жаль, что отца рядом нет, он бы тебе хорошего ремня всыпал для профилактики! – словно прочитав его мысли, сказала мама. Она уже не сердилась, но следовало ещё пожурить беглеца.

– Да нашлось уже, кому всыпать, – Витёк поморщился, вспомнив широкий кожаный ремень коменданта.

Восьмилетняя сестричка Таня, вторая по старшинству после Витьки среди братьев и сестёр, легонько погладила старшего брата по макушке и спросила:

– Витя, а вы с Мироном навовся убежать хотели?

– Да нет, не навовся, а только пока фашистов не разгромим.

Мама с бабушкой переглянулись, улыбаясь, тоже, мол, громители нашлись, и стали купать в кадучке плачущего Алёшку, которому шёл от роду шестой месяц. Потом мама ушла в уголок, прижала младенца к груди, и тот засопел.

Витька глядел и думал. Вот интересно жизнь устроена. Маленькому человечку нужна только его мама. Если собрать всех-всех людей вместе с одной стороны, пусть самых хороших и добрых, и одного человека – маму – с другой, то ребёнок выберет маму, ему больше никто не нужен. Для него мама – это весь мир. Неужели и Гитлер был когда-то таким же беззащитным ребёнком, тянул ручки к маме?

Витёк вновь вспомнил, как кидались маленькие детишки, эвакуированные из Ленинграда, на шеи незнакомых женщин и кричали: «Тётя, скажи, где моя мама?». Ну и зверюга же этот Гитлер, развязавший такую войну! Разве его не научили, что нельзя обижать маленьких? Когда-то он за эти детские слёзы заплатит!

Как сказал мальчишкам пожилой машинист паровоза, отвозивший их обратно: «Война, она сейчас везде идёт: и на фронте и в тылу. И каждый на своём месте воюет. А ваша боевая задача, ребята, – помогать взрослым ковать победу, делать что-то полезное для фронта!»

«Всё верно, раз на фронт не получилось, будем здесь воевать с фашистами! У нас тут свой фронт будет!», – отвечал мысленно машинисту Витёк.

Знал бы он, сколько ему ещё предстоит пройти!

***

Красная армия отступала. На следующий день, 12-го октября 1941 года, в сводке передали, что наши войска оставили Брянск, 13-го – отошли из Вязьмы (а это лишь двести с небольшим километров от Москвы). 14-го пал Мариуполь. А 17-го октября с болью в сердце люди слушали сводку Совинформбюро, в которой говорилось: «Организованная Командованием Красной армии в течение последних 8 дней эвакуация советских войск из Одессы закончилась в срок и в полном порядке. Войска, выполнив задачу в районе Одессы, переброшены нашим морским флотом на другие участки фронта в образцовом порядке и без каких-либо потерь. Распространяемые немецким радио слухи, что советские войска были вынуждены эвакуироваться из Одессы под напором немецко-румынских войск, лишены всякого основания».

Итак, наши войска оставили Одессу, героическая оборона которой продолжалась два с половиной месяца. Ушли по морю, так как с суши город давно окружён. Благо было куда уходить – оставались ещё наши порты на Чёрном море. А вот из окружённого Ленинграда уходить уже некуда, Балтика вся под контролем Германии.

Но тот трагический день 17-го октября 1941 года стал для жителей филейских деревень и для сотен одесситов, находившихся здесь в эвакуации, судьбоносным. В этот самый день в Киров прибыл из Москвы первый эшелон с оборудованием и людьми эвакуируемого сюда завода № 32.

Заводчанам предстояло совершить настоящий подвиг, чтобы завод, так нужный фронту, заработал в кратчайшие сроки. Всё только начиналось...

9. ЗАВОД № 32

Вскоре после возвращения домой из не получившегося побега на фронт произошёл с ребятами неприятный случай. С утра, как обычно, мальчишки таскали дрова, собранные в лесу. Умаявшись, намёрзнувшись, решили они после обеда немного отдохнуть. Пришли на старое место сбора Филейской детворы, к овражку, что разрезал землю меж деревеньками Суханы и Орловы. Колючий холодный ветер поздней осени забирался под отцовские телогрейки, висящие на худых мальчишеских фигурках, словно на пугалах с огорода. Хлюпала грязь под большими, не по размеру, потрёпанными сапогами. Время от времени начинал противно моросить мелкий осенний дождик. Но пацаны есть пацаны, даже в такую погоду им не сидится дома. И, придя к оврагу, Витька с Мироном обнаружили там кучку знакомых ребят, что-то оживлённо обсуждавших у дымящегося костерка.

Витьке почему-то вспомнилось, как на этом самом месте на второй день войны мальчишки так же оживлённо спорили о том, в какой срок Красная Армия сможет разгромить фашистов. Кто говорил за две недели, кто-то – за три, а Витю, предположившего срок в два месяца, тогда здорово высмеяли. Сколько прошло с тех пор? Пятый месяц война идёт, а победой и близко не пахнет. Да какая там победа, если враг прёт, что твоя саранча! Уже к самой Москве гитлеровцы подошли. Прав был, выходит, папка-то, когда говорил, что, может, и за год не получится немца одолеть. А Витёк тогда ему не поверил. «Папка, папка, где ты сейчас? Всё ещё в госпитале или уже снова воюешь?»

Когда Мирон с Витькой приблизились к ребячьему собранию, мальчишки как-то разом приутихли. Друзья догадались, что столь оживлённый разговор был на сей раз о них. И точно, местный заводила, шестнадцатилетний Федька-Штырь из соседней деревни Тиминцы, лихо задрал фуражку на затылок, подскочил с вопросом:

– Ну, удалцы, расскажите-ка нам про свои подвиги на фронте! Сколько фрицев в плен взяли, сколько танков подбили?

Вся компания дружно захохотала, только Вите и Мирону было не до смеха. Федька же продолжал издеваться:

– А мы-то думали: почему наши войска всё никак фашистов не одолеют?! А оказывается, потому что в Красной армии двух главных бойцов не хватает. Без Мирона и Витьки справиться не могут!

Раздался новый взрыв смеха. А неудавшиеся «фронтвики» густо покраснели.

– Ну, вы и архаровцы! Гляньте-ка на них, если б немцы таких вояк увидели, точно бы с перепугу разбежались! – никак не унимался острослов, и, ткнув пальцем в Витьку, добавил:

– Особенно этого шкета испужались бы. Ха-ха-ха-ха!

Тут Витька не выдержал. Сам от себя того не ожидая, он зажмурился и кинулся на задиру. Быстро юркнув книзу, обхватил того за ноги, дёрнул что есть мочи и повалил прямо на мокрую землю. Мальчишки и ахнуть не успели от такого дела. Шутка ли, ведь разница меж дерущимися была столь очевидна. С одной стороны – почти взрослый хулиганистый Федька-Штырь, а с другой – тихоня Витёк, который и ростом на две головы ниже, и младше соперника года на четыре!

Но чудес не бывает. Очень быстро Федька перевернул доходягу, подмял его под себя, как воробушка, а затем дважды врезал Витьке по лицу так, что у того белый свет из глаз выкатился. На сей раз не выдержал Мирон. С громким криком набросился он на обидчика. Они крепко схватились и принялись кататься в грязи. Мирон также был младше; правда, «всего» на пару лет. Витёк никак не мог прийти в себя: башка гудела, из носу шла кровь. Он сидел на земле, утираясь рукавом, и не мог помочь другу. Быть бы и Мирону битым, если бы на счастье бедолаг не проходил мимо того местечка их хороший знакомец Колька-одессит.

Живо подскочил он к дерущимся, разнял их. Пообещал хорошенько наподдать Федьке, если тот ещё раз будет задирать младших.

– Эх, вы! Меж собой дерётесь, а фашистам это на руку. Лучше бы помогали победу ковать. Ведь победа – она в тылу куётся. Надо для армии и оружие делать, и боеприпасы, а вы здесь дурью маетесь! – Колька, один из многих ремесленников, эвакуированных в Киров из других городов, говорил ясно, проникновенно. Все мальчишки внимательно его слушали. – Вот сейчас завод сюда из Москвы переводят. Эшелоны идут со станками, оборудованием. А кто на них работать будет, продукцию для фронта давать? Отцы у всех на войне. Женщины остались да старики. А мы что, со стороны смотреть будем?

– И мы помогать пойдём, – слышались робкие голоса.

– Ну, а раз так – айда за мной! Помогать, так помогать! – Колька сплюнул и, больше не сказав ни слова, направился уверенной походкой в сторону стройплощадки. Ватага мальчишек, быстро «по-пионерски» затушив костерок, еле поспевала за ним, так что Витёк, задержавшийся умыться у ручейка, потом насилу их догнал.

***

Вскоре взорам ребят открылась такая картина. Длинный грузовой состав. Часть вагонов находилась на огороженной территории строящегося завода, остальные стояли по эту сторону забора: наверное, не вошли. Кругом всю кипела работа: шла разгрузка очередного прибывшего из Москвы эшелона с эвакуированным заводским оборудованием.

– Ждите здесь! – крикнул Колька и исчез в деревянной, недавно сколоченной проходной. Вскоре он вернулся с каким-то незнакомым человеком.

– Ну, маладцы, ребята, что хатите памочь нам в разгрузке, – незнакомец говорил странно, словно нараспев, и говор у него был ненашенский, какой-то акающий, – дадим вам работу палегче, чтобы не надарвались.

Мальчишкам под приглядом старшего доверили разгружать один из вагонов с заделом деталей. Были они в деревянных ящиках. Пацаны споро взялись за работу. Аккуратно снимали тяжёлые заготовки с вагона, тащили к забору и складывали штабелем у ворот. Так продолжалось несколько часов. Смеркалось, холодало, начал сыпать робко снежок, но мальчишкам было жарко от работы. Только пальцы на морозном ветру стали прилипать к железным ручкам ящиков, поэтому пришлось брать их через рукава фуфаек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.